

О СОВРЕМЕННОМ МОНАШЕСТВЕ

В прежние времена монастыри были подобны бастионам и мощным крепостям, которые защищали народ от демониических сил. Эти монастыри сохраняли присутствие благодати Божией на земле. Затем начинается перерождение самого монашества. Если в богословии место патристики заняла схоластика, то в монашестве мистику заменили устав и хозяйство. Трудились древние монахи, чтобы пропитать себя, но смотрели на тело свое как на слугу души.

Теперь происходит перемещение ценностей: главным оказывается видимое, осязаемое, материальное — то, что принадлежит времени; а невидимое — то, что составляет сущность и цель монашества, — как бы отходит на второй план. Прежде всего, это потеря непрестанной внутренней молитвы. Одна из заповедей монашества — иметь всегда в сердце своем Иисусову молитву, ее потеря — гибель для монаха.

Святой Григорий Богослов и церковные гимнографы называют монашествующих «вторыми светами» после ангелов, а само монашество — «ангельским образом». Ан-

гел непрестанно предстоит Богу, и монах в сердце своем должен стоять молитвой перед лицом Божиим.

Что означает «второй свет» или «свет миру»? Наша душа подобна зеркалу: она отражает то, что созерцает. Если зеркало обращено вверх, то в нем отражается небо. Если сердце обращено к Богу через внутреннюю молитву и очищение помыслов, то в нем отражается божественный свет. Если зеркало обращено вниз, то в нем отражается земля. Земные картины могут запечатлеть в себе земную красоту, но в ней не будет того, что должен искать монах — вечного, божественного света; здесь цветы, чарующие взор, превращаются в прах.

Трудно держать свое сердце обращенным к Богу. Трудно безмолвие, трудно одиночество, когда душа как бы в пустыне и не находит другой души, подобной себе. Трудно искушение унынием, а еще страшнее — опыт видения ада в своей собственной душе, видение в свете благодати грехов всего мира в себе самом. Еще тяжелее — опыт реального демонического присутствия, приближение к душе сатаны как живого существа, как предвозвещение состояния тех, кто будет в вечности с сатаной. Через это проходит монах, как через горящее пламя.

Святые Отцы говорят: «Беги из Вавилона». Но грех в нашем сердце — это тоска по Вавилону, и он может лукаво шептать сердцу: разве угодно Богу, чтобы ты спасся один; иди в Вавилон и спасай его, возвращайся туда, откуда вышел. В действительности указать путь к спасению Вавилона может только тот, кто вышел из его

плена. Монах, пребывающий в келье или исполняющий монастырское послушание, а тем более пустынный чувствует духовный огонь, зажегшийся в сердце, который раскрывает для самого человека неведомые глубины своего сердца, дает радость душе, с которой не сравнится никакая радость. А в миру этот огонь гаснет, сердечное тепло исчезает, человек видит только поверхность души, то, что называется сознанием, а остальное как бы погружается во мрак и исчезает для него. Так, человек видит колеблющуюся волнами поверхность моря, а в глубину не может проникнуть его взгляд.

Нас могут спросить: а разве все в миру гибнут? Конечно, нет. Но монах, давший обет отречения от мира и непрестанной молитвы, как бы дал обет быть «жертвой всеожжения» для Бога. Так что в миру он будет преступником против своих обетов. Разница лишь в одном: по послушанию или без послушания он нарушает клятвы, данные им, как сказано в чине пострига, перед «небесным жертвенником».

История повторяется. После революции обновленцы, устроив революцию в Церкви, выдвинули лозунги превратить монастыри в трудовые коммуну, сделать из кололен обсерватории, из монастырских корпусов — больницы, детдома и приюты для престарелых, то есть уничтожить монашество изнутри. Это вызвало полное одобрение богоборцев: для того, чтобы монашество не было паразитирующим сословием, надо, чтобы оно занималось полезным делом. Монастыри стали временно регистрироваться как трудовые общины, но затем было

решено уничтожить их совершенно. И сейчас те, у кого сердце осталось в миру, оглядываются назад и думают сочетать монашество не со свободой во Христе, а со служением миру. Сейчас нет лозунгов создать трудовые коммуны, превратить монастыри в больницы, но есть тенденции к тому же, о чем мечтали обновленцы и что интуитивно чувствовала демоническая власть.

В миру обновляются страсти даже с большей силой, чем они действовали раньше — как в притче: дом, из которого был изгнан демон, оставался открытым, и в него вошли семь еще более злых демонов. Когда монах падает, то он падает глубже мирянина. Преподобный Серафим Саровский говорил, что грех монаха более смердит, чем грех живущего в миру; и еще: «Монах без Иисусовой молитвы подобен обгоревшей головешке». Самые красивые экзотические цветы растут в оранжерее, но если сломать ее стекло, то цветы погибнут от холода, тогда как простые полевые цветы легче переносят морозы. Возникают у нерадикового монаха страсти, как будто вскрываются старые раны, — образы мира и помыслы наполняют его душу. Внутренний свет, который стяжали молитвой, начинает уменьшаться и мерцать, а затем гаснет. Молитва не находит своего места в сердце, а страстное сердце не находит себя в молитве. В лучшем случае, такой монах становится добрым мирянином, а в худшем... не хочется говорить. Оскудевает монашеская молитва, и ослабевают сила, удерживающая до времени сатану; имя этой силы — благодать. Демонам хотя не приятны, но не страшны мирские добродетели; духовная

АРХИМАНДРИТ РАФАИЛ (КАРЕЛИН)

война ведется на другом плане. Монах, служащий миру, подобен льву с выбитыми зубами, вырванными когтями и остриженной гривой.